

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.2911](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2911)

А. И. Бирюкова

СВЯЗЬ ФИНАНСОВОГО СТРЕССА И РЕШЕНИЯ БРОСИТЬ КУРИТЬ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Бирюкова А.И. Связь финансового стресса и решения бросить курить в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 47—70. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2911>.

For citation:

Biryukova A.I. (2025) The Relationship Between Financial Stress and Smoking Cessation in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 47–70. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2911>. (In Russ.)

Получено: 03.02.2025. Принято к публикации: 29.08.2025.

СВЯЗЬ ФИНАНСОВОГО СТРЕССА И РЕШЕНИЯ БРОСИТЬ КУРИТЬ В РОССИИ

БИРЮКОВА Алина Ильинична — аспирант факультета экономических наук, лаборант Лаборатории экономических исследований общественного сектора, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: aibiryukova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3359-3319>

Аннотация. Для России характерны высокие показатели распространенности курения и потерь, связанных с курением. Многие курильщики предпринимают попытки бросить вредную привычку или как минимум сообщают о таких намерениях. Это актуализирует задачу изучения причин отказа от курения, в том числе в условиях экономической нестабильности и финансового стресса. В статье на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2000—2023 гг. исследуется, как связаны решение об отказе от курения и финансовый стресс. Анализируются характеристики индивидуального стресса (его наличие, интенсивность), оценивается влияние четырех кризисных периодов в России (2008—2009, 2014—2015 и 2020—2021, 2022—2023 гг.) на принятие решения об отказе от курения. Используются модели логистической регрессии с фиксированными эффектами отдельно для мужчин и женщин. Помимо финансового стресса в модели включены социально-экономические характеристики респондентов — возраст, семейное положение, наличие детей, высшее образование, самооценка здоровья и уровень дохода. Согласно полученным результатам, низкий уровень стресса не способствует отказу от курения. Женщины отказываются от курения только при умеренном уровне финансового стресса, тогда как при высоком продолжают курить. Мужчины бросают курить на фоне как умеренного, так и высо-

THE RELATIONSHIP BETWEEN FINANCIAL STRESS AND SMOKING CESSATION IN RUSSIA

Alina I. BIRYUKOVA¹—PhD student at the Faculty of Economic Sciences; Laboratory Assistant at the Laboratory of Public Sector Economic Research, Centre for Basic Research
E-MAIL: aibiryukova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3359-3319>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Russia is characterized by high rates of smoking prevalence and smoking-related losses. A substantial proportion of tobacco users attempt to discontinue this harmful habit or, at the very least, report such intentions. The paper uses RMLS data for 2000–2023 to examine how the decision to quit smoking and financial stress are related. The author analyzes the characteristics of individual stress (its presence and intensity) and estimates impact of four crisis periods in Russia (2008–2009, 2014–2015, 2020–2021 and 2022–2023) on the probability of a decision to quit smoking. Logistic regression models with fixed effects are used separately for men and women. In addition to financial stress, the models include socioeconomic characteristics of respondents, namely, age, marital status, presence of children, higher education, self-assessed health, and income level. The study shows that stress levels do not favor smoking cessation. Women quit smoking only at moderate levels of financial stress, while at high levels of stress they keep smoking. Men quit smoking at both moderate and high levels of stress. The 2014–2015 crisis encouraged smokers to quit, while the 2008–2009, 2020–2021 and 2022–2023 crises were accompanied by a decrease in the likelihood of quitting.

кого уровня стресса. Кризис 2014—2015 гг. побуждал курящих к отказу от курения, тогда как кризисы 2008—2009, 2020—2021, 2022—2023 гг. сопровождались снижением вероятности отказа от курения.

Ключевые слова: финансовый стресс, аддиктивное поведение, экономический кризис, гендерные поведенческие различия, табакокурение

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в Лаборатории экономических исследований общественного сектора ЦФИ.

Keywords: financial stress, addictive behavior, economic crisis, gender behavioral differences, tobacco smoking

Acknowledgments. The paper was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program in the Laboratory of Economic Research of the Public Sector of the Center for Fundamental Research.

Введение

По экспертным оценкам, доля курильщиков в России с 1994 г. по 2016 г. снизилась с 31 % до 28 % [Богданов, Лебедев, 2018], а с 2017 г. по 2020 г.— с 27 % до 25 % [Бирюкова, 2022]. Несмотря на успешную реализацию кампаний по снижению распространенности курения, Россия все еще остается одной из самых курящих стран Европы, в том числе из-за того, что бросить курить сложно даже при наличии такого желания. Среди главных причин невозможности побороть вредную привычку— никотиновая зависимость, психологические факторы, социальное окружение. По данным ВОЗ, по состоянию на 2020 г. 780 млн курильщиков хотели бы бросить курить¹. На такое решение способно повлиять множество факторов, в том числе культурных, социальных, психологических и финансовых. Некоторые из них хорошо известны и изучены. Так, люди склонны бросать курить при высокой вероятности угрозы своему здоровью, планировании беременности, ужесточении государственной антитабачной политики. Финансовый стресс также может оказывать влияние на поведение курильщика, причем его влияние может быть разнонаправленным. С одной стороны, табак может служить средством борьбы с негативными эмоциями, которые порождает стресс. Тогда под действием финансового стресса вероятность отказа от курения будет снижаться, а возвращения к курению (рецидивы), напротив, расти. С другой стороны, сокращение доходов и финансовое давление на бюджет должны способствовать сокращению расходов на сигареты и прекращению курения. Какой из двух эффектов возобладает, может зависеть от разных обстоятельств, включая уровень стресса или влияние кризиса [Засимова и др., 2024].

Цель данного исследования — изучить аддиктивное поведение россиян на фоне экономических потрясений. В частности, выяснить, каким образом финансовый

¹ WHO Report on the Global Tobacco Epidemic, 2008: the MPOWER package // World Health Organization. 2008. January 6. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241596282> (дата обращения: 22.01.2025).

стресс и его интенсивность могут способствовать или препятствовать отказу от курения; действительно ли мужчины и женщины по-разному реагируют на финансовый стресс и как изменяется поведение курильщиков в условиях экономических кризисов.

Обзор литературы

Унифицированного определения финансового стресса не существует: разные авторы приводят различные описания данного состояния. Зачастую финансовый стресс согласуется с концепцией психологического стресса, в рамках которого происходит реакция на реальную или предполагаемую угрозу [Lazarus, 1966]. В случае финансового стресса под угрозой находится дальнейшее благополучие человека, когда финансовые проблемы превышают имеющиеся финансовые ресурсы [Van Dijk, Van der Werf, Van Dillen, 2022]. Также финансовый стресс — многокомпонентный процесс, в который может входить как субъективная оценка различных ситуаций (недостаток финансовых ресурсов или отсутствие контроля над своим положением), так и эмоциональные реакции (финансовая тревога и беспокойность) [Simonse et al., 2024]. В некоторых работах финансовый стресс определяется через оценку личных финансов (финансового благополучия) [Kim, Garman, Sorhaindo, 2003] или как неспособность выполнять экономические обязанности [Northern, O'Brien, Goetz, 2010]. Можно найти и другие определения, такие как неудовлетворенность финансовым благополучием [Garman et al., 1999] или беспокойство о деньгах [Starrin, Åslund, Nilsson, 2009]. В рамках данной работы, суммируя все вышеизложенное и учитывая многообразие формулировок, мы будем определять стресс как результат финансовых и/или экономических событий, вызывающих тревогу, беспокойство или ощущение дефицита ресурсов, сопровождающееся физиологической реакцией организма.

Способов измерения финансового стресса, так же как и его определений, множество, в том числе при помощи шкал, позволяющих оценить интенсивность стресса, а не просто его наличие. А. Правитц и его соавторы [Prawitz et al., 2006] разработали метод оценки финансового стресса с помощью восьми пунктов по 10-балльной шкале. Шкала включает в себя такие вопросы, как «Каков, по вашему мнению, уровень вашего финансового стресса сегодня?» и «Как часто вы беспокоитесь о том, что сможете покрыть нормальные ежемесячные расходы на жизнь?». Другой широко используемый подход — это измерение стресса через ответы на вопросы о тревоге, определяемой как тревожное отношение к эффективному управлению своими личными финансами [Shapiro, Burchell, 2012] или через общие симптомы тревоги, связанной с финансовым положением [Archuleta et al., 2011; Archuleta, Dale, Spann, 2013]. Измерение финансовой тревоги Г. Шапиро и Б. Берчелла содержит десять пунктов, измеряемых по 4-балльной шкале, среди которых в том числе такие пункты, как «Размышления о своих личных финансах могут вызывать у меня чувство вины» и «Мне неприятно открывать свои банковские выписки» [Shapiro, Burchell, 2012]. К. Арчулета и др. [Archuleta, Dale, Spann, 2013] предлагают шкалу, которая оценивает реакцию респондентов по 7-балльной шкале, среди которых «Я чувствую беспокойство по поводу своего финансового положения» и «Мне трудно спать из-за моего

финансового положения». Как показывает опыт зарубежных авторов, измерение и оценка стресса в виде шкалы — достаточно распространенный прием для решения исследовательских задач.

Имеется достаточно работ, в которых исследователи обнаруживали, что финансовый стресс способствует отказу от курения. Такой вывод о связи финансового стресса и попыток отказаться от курения был получен на данных Великобритании [McKenna, Law, Pearce, 2017; Siahpush et al., 2009], США [Kalkhoran et al., 2018; Siahpush et al., 2009], Канады [Siahpush et al., 2009] и Австралии [Siahpush et al., 2009; Siahpush, Carlin, 2006; Siahpush, Spittal, Singh, 2007a; 2007b]. Однако есть также достаточно свидетельств тому, что финансовый стресс, наоборот, провоцирует рецидивы и увеличивает распространенность и вероятность курения. Такие результаты получены, например, в работе по Калифорнии, где распространенность курения была выше среди той группы молодых людей 18—30 лет, которая не имела возможности обеспечить себя или получить доступ к полноценному питанию [Kim, Tsoh, 2016], и Миннесоте, где среди курильщиков с низкими доходами более высокий уровень никотиновой зависимости тесно связан с финансовыми затруднениями при осуществлении повседневных расходов, таких как оплата жилья, медицинских услуг и продуктов питания [Widome et al., 2015].

Такие же противоречивые результаты получены при оценке эффекта отдельных экономических кризисов на поведение курильщиков. Некоторые авторы склоняются к проциклической связи между кризисом и курением, когда на фоне экономического кризиса потребление сигарет и табака снижается [Ruhm, 2005; Filippidis et al., 2014; Jofre-Bonet et al., 2018]. Другие же, напротив, отстаивают позицию о нулевой или контрциклической связи, когда потребление во время экономических потрясений растет [Shaw, Agahi, Krause, 2011; Gallus, Ghislandi, Muttarak, 2015; Gallus et al., 2011]. Необходимо также сделать акцент на том, что каждый из кризисов ввиду своих особенностей мог по-своему отразиться на аддиктивном поведении людей. Так, сравнительный анализ двух крупнейших кризисов — 2008 и 2020 гг. — показал, что, несмотря на разные причины происхождения кризисов, они характеризовались схожими последствиями [Бессонова, Свеженцева, 2021]. Вместе с тем масштабы и темпы их развития различались и во многом определялись оперативностью и эффективностью мер, предпринимаемых государством. В 2020 г. удалось избежать резкого всплеска безработицы даже при условии значительного сокращения мировой торговли. В другой статье [Засимова и др., 2024] авторы продемонстрировали, что пандемийный кризис отличался от предыдущих. Кроме негативного экономического эффекта (снижения располагаемых доходов, роста цен, безработицы и др.), этот кризис нанес огромный ущерб здоровью и жизни людей. А кроме того, государство было вынуждено сильно вмешиваться в жизнь людей, вводя достаточно жесткие ограничения и меры (локдауны, ограничения передвижения людей, перевод на удаленный режим работы и др.).

Таким образом, на примере других стран показано, что кризисы и финансовый стресс могут оказывать неоднозначное влияние на поведение курильщиков. В то же время зарубежные авторы, как правило, используют данные за относительно короткие периоды, что не всегда позволяет учитывать экономические ци-

клы и наблюдать как отказ от курения, так и рецидивы. Предположительно в периоды экономических кризисов финансовый стресс может испытывать большее число людей, а его интенсивность может возрастать.

На российских данных делались попытки оценить связь между курением, интенсивностью курения, стажем курения и финансовым благосостоянием человека, тогда как факторы отказа от курения не изучались. Большинство работ связывают курение и заработную плату или доход человека, анализируя данные опросов населения. М. Локшин и З. Саджая установили, что курение снижает заработную плату мужчин (для женщин не удалось выявить статистически значимого результата) [Локшин, Саджая, 2007]. С. А. Ермаков провел анализ влияния интенсивности курения на заработную плату, показывая, что курящие женщины получают выигрыш в заработной плате в сравнении с некурящими (для мужчин связь курения и заработной платы не была статистически значимой) [Ермаков, 2012]. Наконец, в работах М. Д. Кима [Ким, 2017] и Е. А. Шульги [Шульга, 2024] подтверждается вывод М. Локшина и З. Саджая [Локшин, Саджая, 2007] об отрицательном эффекте табакокурения на уровень заработной платы курящих в сравнении с некурящими. В работе Я. М. Рошиной показано, что среди курильщиков меньше зарабатывают те из них, чей стаж курения больше [Рошина, 2009]. А кроме того, длительность курения (с нормировкой на возраст) в прошлом периоде негативно сказывается на вероятности работать в будущем периоде. В статье Л. С. Засимовой и О. А. Лукиных спрос на сигареты анализируется в контексте располагаемого дохода [Засимова, Лукиных, 2009]. Согласно результатам, индивиды снижают потребление табака, если рост их доходов ниже роста реальных цен на сигареты. Однако и в этой работе речь идет не об отказе от курения, а о снижении числа выкуриваемых сигарет.

Описание выборки, формирования переменных и методологии

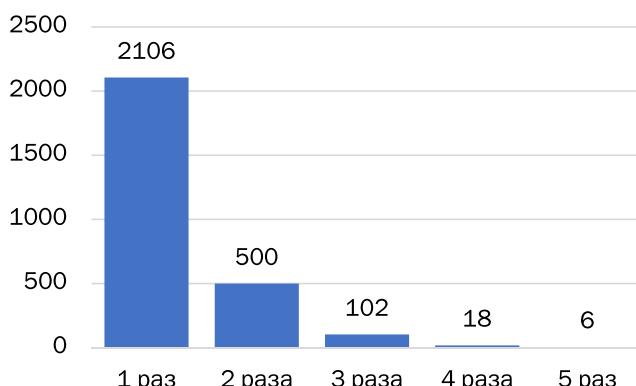
Источником данных для проведения анализа выступил Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ, поскольку эти данные содержат перечень основных вопросов, касающихся различных сфер жизни индивида (включая курение), имеют панельную структуру и охватывают большой временной промежуток. Последнее крайне важно для отслеживания изменений в аддиктивном поведении респондентов (переходы из группы курящих в некурящие и наоборот).

В работе использовались данные объединенной базы индивидов с 2000 по 2023 г. включительно. Из базы были удалены детские анкеты, затем индивиды, участвовавшие в опросе только единожды. Также из выборки исключались те, кто затруднялся дать четкий ответ на вопрос о курении, и те, кто никогда не курил. Важно отметить, что вопросы, связанные с определением финансового стресса, имеют прямое отношение к наличию работы, поэтому в выборку попали только трудоспособные респонденты: мужчины в возрасте 16—64 лет, женщины в возрасте 16—59 а также те, кто не входит в обозначенные возрастные группы, но при этом работает. В итоговую выборку вошло 35 638 наблюдений. Собранный панель не является сбалансированной, так как не для всех индивидов есть наблюдения во все рассматриваемые годы.

В качестве зависимой переменной использовалась бинарная переменная, сконструированная на основе двух вопросов индивидуальной анкеты: «Курите ли Вы в настоящее время?» и «Вы курили когда-нибудь?». Первый вопрос задается всем опрашиваемым, второй — только при условии отрицательного ответа на первый. Таким образом, с помощью ответов индивидов можно разделить на три группы: 1) не куривших никогда в жизни (ответ «нет» на оба вопроса), 2) куривших когда-то, но бросивших (ответ «нет» на первый и «да» на второй вопросы), 3) курящих на момент прохождения опроса (ответ «да» на первый вопрос). Поскольку на этапе формирования выборки мы исключили первую категорию никогда не куривших респондентов, оставшиеся две категории были использованы для создания зависимой переменной, где 1 — это бывший курильщик, а 0 — текущий курильщик.

Некоторые курильщики неоднократно бросали курить и вновь возвращались к курению, то есть имели место рецидивы. Общее число респондентов с рецидивами составляет 2 732 человек (менее 7,7 % от всей выборки). Согласно рисунку 1, большинство бросивших курить возвращались к курению один раз (77 % от всех, у кого были рецидивы). И только 24 респондента делали это от четырех до пяти раз. В данной работе группа курящих с рецидивами специально не выделяется, так как важен сам факт отказа от курения и факторы, связанные с ним. Если же респондент снова бросает курить в какой-то из волн, то в следующей волне его относят к бывшим курильщикам.

Рис. 1. Распределение частоты рецидивов среди респондентов выборки, кол-во респондентов с числом рецидивов

В анкетах РМЭЗ имеются вопросы, с помощью которых можно оценить финансовый стресс респондента. К сожалению, вопрос «Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?», задавался только в нескольких волнах обследования и потому не был включен в анализ. Вместо него были выбраны вопросы, связанные с работой индивида, которые так же, как и в исследованиях зарубежных авторов, описывают неприятные и стрессовые ситуации, связанные с работой и с доходами человека, и могут быть использованы как косвенные показатели финансового стресса.

Это вопросы: «В течение последних 12 месяцев Вам уменьшали зарплату или сокращали часы работы не по Вашему желанию?», «В течение последних 12 месяцев Вас отправляла администрация в вынужденный неоплачиваемый отпуск?», «В настоящее время Ваше предприятие осталось должно Вам какие-то деньги, которые по разным причинам не выплатило вовремя?».

Помимо вопросов индивидуальной анкеты в рассмотрение был включен вопрос из анкеты домохозяйства «Ваша семья имеет неоплаченные счета за жилье, то есть за квартиру и коммунальные услуги?». Этот вопрос был выбран по аналогии со структурой индекса стресса в работах М. Сиапуша и соавторов [Siahpush et al., 2009].

С опорой на предыдущие исследования в данной работе была разработана и протестирована собственная шкала финансового стресса на основе трех вопросов индивидуального опросника РМЭЗ и одного вопроса опросника домохозяйств (см. рис. 2).

Если индивид ответил положительно на три или четыре вопроса из четырех, считалось, что он испытывает высокий уровень стресса, если на два вопроса из четырех — стресс умеренный, если на один из четырех — низкий уровень стресса. Если на все вопросы был дан отрицательный ответ, считалось, что финансовый стресс отсутствует.

Рис. 2. Схема создания переменной финансового стресса

Для регрессионного анализа было построено три группы моделей с разными зависимыми переменными финансового стресса (модель 1, модель 2 и модель 3 соответственно):

1) переменная «наличие стресса» — принимает значение 1 в случае наличия финансового стресса любого уровня и 0 при его отсутствии;

2) переменная «интенсивности стресса» — принимает значение от 0 (отсутствие стресса) до 4 (высокий уровень стресса);

3) три бинарные переменные, соответствующие высокому, умеренному и низкому уровню стресса (с базовой переменной отсутствия стресса).

Первые две модели финансового стресса использовались в работах М. Сиапуша и соавторов [Siahpush et al., 2009], а третья предложена в данной работе для того, чтобы оценить возможное нелинейное влияние финансового стресса различного уровня на принятие решения об отказе от курения.

В качестве контрольных переменных использовались возраст и квадрат возраста в годах, фиктивная переменная (dummy) на брак или совместное проживание, фиктивная переменная на наличие законченного высшего образования, фиктивная переменная на плохую самооценку собственного здоровья. Переменная самооценки здоровья из категориальной была переведена в бинарную и принимала значение 1, если респондент оценивал свое здоровье как «очень плохое» и «плохое», и 0 во всех остальных случаях. Для контроля уровня дохода была создана переменная логарифма реального среднедушевого дохода: для каждого респондента определен доход его домохозяйства, далее он поделен на число членов семьи и затем с помощью региональных годовых ИПЦ приведен к ценам базового 2000 г. Похожий набор контрольных переменных (возраст, семейный статус, уровень полученного образования, уровень дохода и самооценка собственного здоровья) использовался в работах других авторов [Kossova, Kossova, Sheluntcova, 2018].

Эконометрическое оценивание проводилось отдельно на подвыборках мужчин и женщин. На каждой выборке оценивались одни и те же спецификации моделей, различавшиеся между собой лишь переменными стресса (фиктивная переменная на наличие стресса как такового, численная шкала стресса и набор из самостоятельных фиктивных переменных на каждый уровень финансового стресса). Оценивались модели с фиксированными и случайными эффектами, а также сквозная регрессия. В каждом из случаев путем попарного проведения соответствующих тестов (F-тест, Тест Бройша-Пагана, тест Хаусмана) из двух моделей выбиралась наилучшая. Как и ожидалось, по результатам тестов лучшей стала модель с фиксированными эффектами, позволяющая учесть ненаблюдаемые характеристики курильщиков. Ниже представлены оцениваемые в работе модели бинарного выбора.

Наблюдаемой зависимой переменной ($exsmoke_{it}$) была бинарная переменная, где 1 обозначала, что на момент опроса респондент был бывшим курильщиком, а 0 — что респондент курит в текущий момент:

$$exsmoke_{it} = \begin{cases} 1, & \text{если } y_i^* > 0 \\ 0, & \text{иначе} \end{cases}.$$

Уравнения для латентной (y_i^*) зависимой переменной для индивида i в момент времени t можно записать так:

$$y_i^* = \alpha_i + \beta_0 has_stress'_{it} + \beta_1 age'_{it} + \beta_2 age_squared'_{it} + \beta_3 married'_{it} + \beta_4 has_child'_{it} + \beta_5 bad_health_estim'_{it} + \beta_6 high_educ'_{it} + \beta_7 log_real_inc'_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

$$y_i^* = \alpha_i + \beta_0 stress_scale'_{it} + \beta_1 age'_{it} + \beta_2 age_squared'_{it} + \beta_3 married'_{it} + \beta_4 has_child'_{it} + \beta_5 bad_health_estim'_{it} + \beta_6 high_educ'_{it} + \beta_7 log_real_inc'_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

$$y_i^* = \alpha_i + \beta_0 low_stress'_{it} + \beta_1 moderate_stress'_{it} + \beta_2 high_stress'_{it} + \beta_3 age'_{it} + \beta_4 age_squared'_{it} + \beta_5 married'_{it} + \beta_6 has_child'_{it} + \beta_7 bad_health_estim'_{it} + \beta_8 high_educ'_{it} + \beta_9 log_real_inc'_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

где α_{it} — индивидуальная константа (фиксированный эффект), $has_stress'_{it}$ — наличие стресса, $stress_scale'_{it}$ — оценка стресса в виде шкалы (от 0 до 4),

low_stress'_{it} — низкий уровень стресса, *moderate_stress'_{it}* — средний уровень стресса, *high_stress'_{it}* — высокий уровень стресса, *age'_{it}* — возраст индивида в годах, *age_squared'_{it}* — квадрат возраста, *married'_{it}* — в браке ли индивид, *has_child'_{it}* — имеет ли индивид детей, *bad_health_estim'_{it}* — оценивает свое здоровье как плохое, *high_educ'_{it}* — есть ли у индивида высшее образование, *log_real_inc'_{it}* — логарифм реального подушевого дохода, а случайные ошибки ϵ_{it} имеют логистическое распределение.

Связь между личным уровнем финансового стресса и экономической обстановкой в стране не является прямой и однозначной. Общая экономическая ситуация задает фон и может повысить тревожность, но реакция каждого индивида зависит от его персональной ситуации, психологических характеристик и имеющихся ресурсов. Бывают случаи, когда люди в благополучные периоды ощущают тревогу из-за нехватки средств и, как следствие, повышенный уровень стресса (например, в случаях внезапного развода, гибели главы семьи, рождения детей и др.), а во время кризиса, наоборот, способны адаптироваться и обойтись без сильного стресса. Поэтому, чтобы развести влияние личного финансового стресса и внешних шоков, были построены модели с добавлением фиктивных переменных на кризисные годы (2008, 2014 и 2020, 2022) и годы после кризисов (2009, 2015, 2021, 2023) отдельно для мужчин и женщин.

Кризис пандемии коронавируса (2020—2021 гг.) и кризис, вызванный санкциями (2022—2023 гг.), рассмотрены в работе по отдельности, несмотря на то что они следуют друг за другом. Данные кризисы различаются прежде всего своим происхождением. Пандемийный кризис был в значительной мере внешним шоком, вызванным распространением заболевания, а не специфическими внутренними экономическими проблемами. Кризис 2022—2023 гг. — более глубокий структурный кризис с серьезными экономическими ограничениями, вызванный преимущественно геополитическими событиями. Уравнение для данной спецификации представлено ниже и включает в себя фиктивную переменную как на год кризиса (*year2008'_{it}*, *year2014'_{it}*, *year2020'_{it}*, *year2022'_{it}*), так и на посткризисные годы (*year2009'_{it}*, *year2015'_{it}*, *year2021'_{it}*, *year2023'_{it}*).

$$y_i^* = \alpha_i + \beta_0 \text{low_stress}'_{it} + \beta_1 \text{moderate_stress}'_{it} + \beta_2 \text{high_stress}'_{it} + \beta_3 \text{age}'_{it} + \beta_4 \text{age_squared}'_{it} + \beta_5 \text{married}'_{it} + \beta_6 \text{has_child}'_{it} + \beta_7 \text{bad_health_estim}'_{it} + \beta_8 \text{high_educ}'_{it} + \beta_9 \text{log_real_inc}'_{it} + \beta_{10} \text{year2008}'_{it} + \beta_{11} \text{year2009}'_{it} + \beta_{12} \text{year2014}'_{it} + \beta_{13} \text{year2015}'_{it} + \beta_{14} \text{year2020}'_{it} + \beta_{15} \text{year2021}'_{it} + \beta_{16} \text{year2022}'_{it} + \beta_{17} \text{year2023}'_{it} + \epsilon_{it} \quad (4)$$

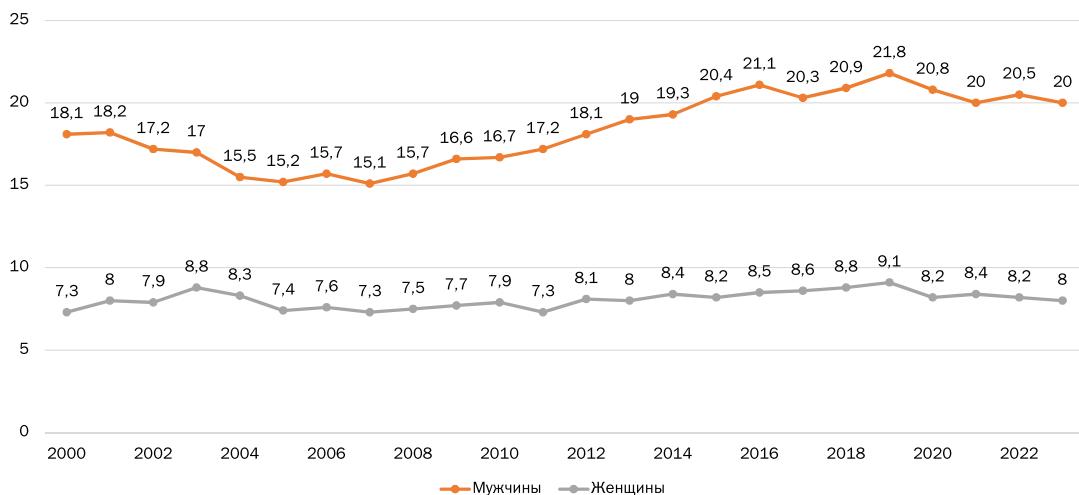
Сбор и предобработка данных производились в R-Studio и Python, расчеты и построение регрессий — в Stata 14. Кроме нахождения оценок коэффициентов, были найдены отношения шансов и средние (полу)эластичности (с помощью команды aextlogit в Stata).

Результаты дескриптивного анализа

Все результаты дескриптивного анализа представлены на рисунках 3—5. На рисунке 3 приводятся данные о динамике доли бывших курильщиков (в % от всех ре-

спондентов). Доля отказавшихся от курения мужчин плавно снижалась в период с 2001 по 2005 г., затем планомерно росла с 2008 по 2016 г., стабилизировалась на уровне 20—22% после 2016 г. Максимальный процент бывших курильщиков среди мужчин составлял 22% в 2019 г., а минимальный — 15% в 2007 г. У женщин показатели доли отказавшихся от курения менялись не так сильно: за все 23 года наблюдения доля бывших курильщиц колебалась в коридоре от 7,3% (самое низкое значение в 2000 и 2007 гг.) до 9,1% (самое высокое значение в 2019 г.).

Рис. 3. Динамика распространенности бывших курильщиков
(в % всех респондентов), 2000—2023 гг.

Обратим внимание на значительное снижение доли бывших курильщиков в 2020 г. по сравнению с 2019 г. (на 1 п. п. для мужчин и на 0,9 п. п. для женщин). Возможно, из-за COVID-19 и политики изоляции индивиды реже отказывались от курения. Для кризиса 2008 г. прослеживается обратный тренд — рост процента бывших курильщиков как среди мужчин, так и среди женщин (для мужчин этот рост выражен более явно). Во время валютного кризиса 2014—2015 гг. наблюдаем разнонаправленный характер изменений для респондентов разного пола — рост бывших курильщиков среди мужчин и незначительное снижение у женщин. Предположительно, разные кризисы могли оказать неодинаковый эффект на поведение курящих мужчин и женщин.

В рисунках 4.1—4.3 представлен процент мужчин и женщин, испытывающих стресс, в зависимости от уровня финансового стресса. Динамика показателей в целом схожа для обоих полов в каждой из категорий стресса, однако процент женщин, испытывающих умеренный уровень стресса, выше в сравнении с мужчинами на всем промежутке исследования, тогда как высокий и низкий уровень стресса чаще встречается у мужчин. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что мужчины и женщины могут реагировать на тот или иной уровень стресса неодинаково.

Рис. 4.1. Доля мужчин и женщин, испытывающих низкий уровень финансового стресса
(в % от всех респондентов), 2000—2023 гг.

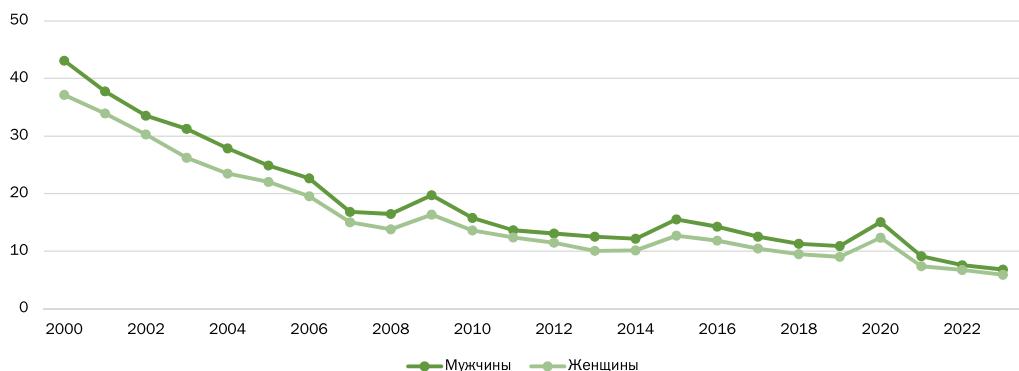

Рис. 4.2. Доля мужчин и женщин, испытывающих средний уровень финансового стресса
(в % от всех респондентов), 2000—2023 гг.

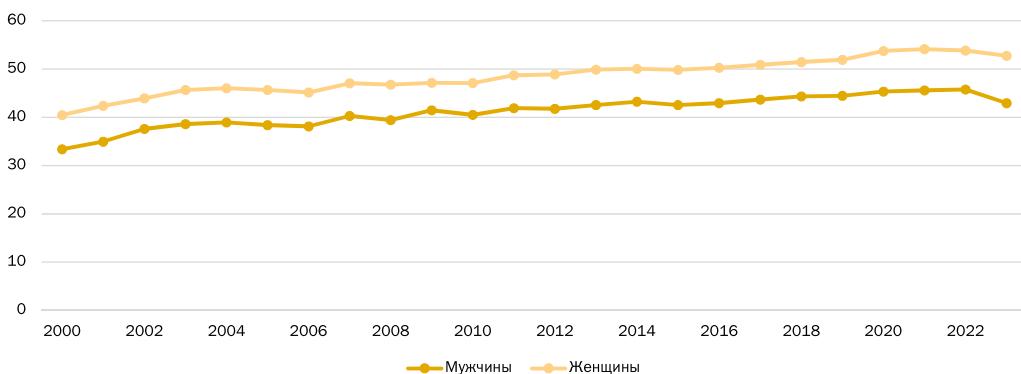
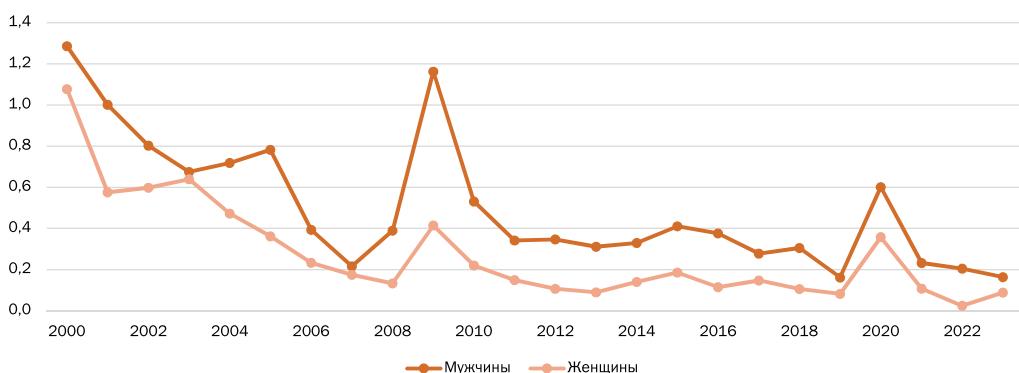

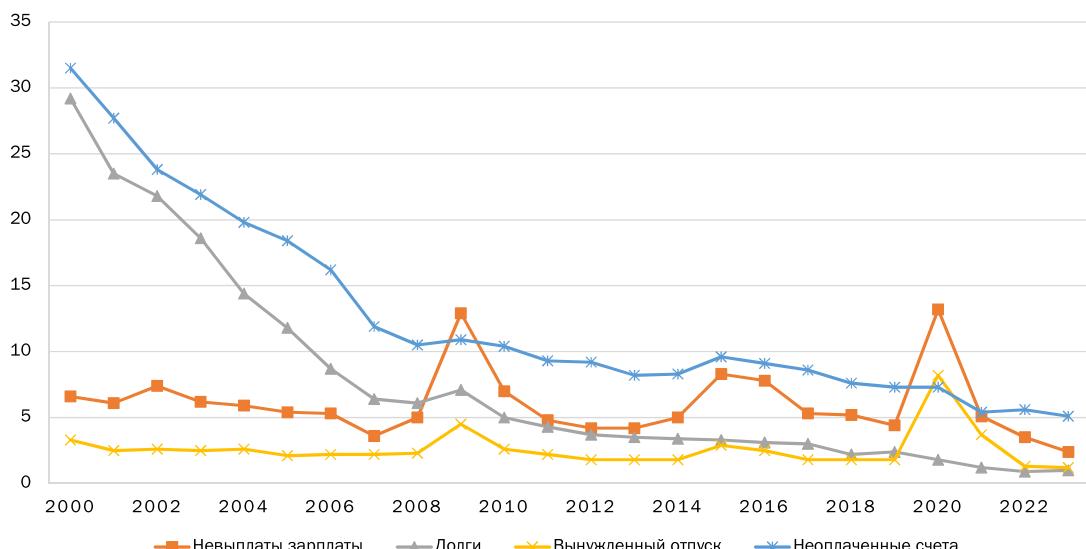
Рис. 4.3. Доля мужчин и женщин, испытывающих высокий уровень финансового стресса
(в % от всех респондентов), 2000—2023 гг.

Также рисунки 4.1 и 4.3 показывают, что в кризисные и посткризисные годы (2008—2009, 2014—2015, 2020—2021, 2022—2023) заметно изменился процент людей, испытывающих финансовый стресс. Лучше всего эти изменения заметны на графиках с динамикой низкого и высокого уровня стресса. Можно предположить, что кризис 2008—2009 гг. сильнее отразился на мужчинах, чем на женщинах. Также в периоды 2008—2009 и 2014—2015, 2022—2023 гг. снизилась доля тех, кто испытывал средний уровень стресса (для обоих полов). Вместе с тем людей с низким и средним уровнем стресса в разы больше, чем с высоким. Вероятно, люди, ощущавшие себя вполне устойчиво в спокойные годы, начинают испытывать усиление низкого и среднего уровня стресса в кризисные периоды.

Анализируя данные с рисунка 5, заметим, что в 2008—2009 гг. каждая компонента финансового стресса росла, то есть стало больше респондентов, испытывающих трудности во всех обозначенных категориях (невыплаты зарплаты, долги, вынужденный отпуск и неоплаченные счета). В 2014—2015 гг. также увеличился процент испытывающих стресс во всех категориях, кроме одной (стресс из-за невыплаты заработной платы на предприятиях). В 2019—2020 гг. произошел значительный рост доли тех респондентов, кому уменьшили заработную плату (или сокращали рабочие часы) и отправили в вынужденный отпуск (рост на 8,8 и 6,4 п. п. к предыдущему году соответственно). В этот же период стало меньше тех, у кого были какие-либо долги или неоплаченные счета (падение на 0,6 к предыдущему году соответственно). Сравнивая разные кризисы между собой, можно предположить, что 2008 г. оказал серьезное влияние как на трудности, связанные с работой, так и на стресс из-за невозможности оплаты финансовых счетов. 2020 г. спровоцировал рост финансового стресса, связанного с проблемами на работе.

Рис. 5. Доля людей, испытывающих финансовых стресс по его компонентам (в % от всех респондентов.), 2000—2023 гг.

По результатам дескриптивного анализа были сформулированы следующие гипотезы для дальнейшей проверки:

- 1) финансовый стресс способствует отказу от курения;
- 2) возможна нелинейная связь стресса с решением об отказе от курения;
- 3) воздействие финансового стресса на отказ от курения для мужчин и женщин будет различным;
- 4) кризисы разных лет (2008, 2014, 2020 и 2022) будут оказывать различный эффект на вероятность отказа от курения.

Регрессионный анализ

В таблицах 1 и 2 представлены результаты построения всех моделей. Во всех рассмотренных спецификациях подтверждается положительная связь между финансовым стрессом и вероятностью отказа от курения.

Наличие финансового стресса ассоциируется с ростом вероятности бросить курить для женщин (модель 1.2). При оценивании модели со шкалой стресса было получено, что с увеличением уровня стресса растет вероятность отказа от курения и у мужчин, и у женщин (модель 2.1 и 2.2 соответственно). Наконец, построение модели с разными уровнями стресса (модели 3.1 и 3.2) позволило выявить нелинейный характер связи между стрессом и вероятностью отказа от курения. Низкий уровень финансового стресса, по всей видимости, не мотивирует бросить курить ни женщин, ни мужчин. В то время как умеренный способствует отказу от курения и у мужчин, и у женщин. Вместе с тем мужчины, в отличие от женщин, подвержены влиянию как умеренного, так и высокого уровня стресса.

Как видно из таблиц 1—2, чем старше человек, тем ниже вероятность того, что он бросит курить, однако по достижении определенного возраста эта вероятность, наоборот, начинает увеличиваться. Скорее всего, это объясняется тем, что с возрастом обычно возникают или обостряются хронические заболевания, которые вынуждают человека бросить курить, несмотря на силу привычки. Это подтверждает и полученный результат для переменной плохой самооценки здоровья: если человек оценивает свое здоровье как плохое или очень плохое, это может стать для него фактором отказа от курения. Замужество (или сожительство) положительно влияет на вероятность перейти в категорию бывших курильщиков как для мужчин, так и для женщин. Также увеличивает вероятность бросить курить наличие детей. Высокий уровень образования оказывается на вероятности бросить курить только для женщин: женщины с полным высшим образованием, вероятнее всего, бросят курить.

Таблица 1. Оценки коэффициентов в логит-модели с фиксированными эффектами с использованием фиктивной переменной наличия стресса и переменной шкалы стресса (1 и 2)

Бывший курильщик	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Номер модели	(1.1)	(1.2)	(2.1)	(2.2)
Есть финансовый стресс (модели 1.1 и 1.2)	0,0285 (0,0451)	0,0954* (0,0539)		
Уровень стресса в виде численной шкалы (модели 2.1 и 2.2)			0,0563** (0,0267)	0,0839*** (0,0326)

Бывший курильщик	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Возраст	−0,0500** (0,0201)	−0,176*** (0,0256)	−0,0474** (0,0201)	−0,174*** (0,0256)
	0,00275*** (0,000243)	0,00358*** (0,000330)	0,00271*** (0,000243)	0,00355*** (0,000330)
Состоят в зарегистрированном браке или проживают вместе	0,227** (0,0906)	0,586*** (0,0763)	0,235*** (0,0906)	0,584*** (0,0763)
	0,184* (0,0989)	0,253** (0,122)	0,185* (0,0990)	0,249** (0,122)
Законченное высшее образование и выше	−0,136 (0,117)	0,422*** (0,128)	−0,129 (0,117)	0,430*** (0,128)
	0,497*** (0,0979)	0,372*** (0,115)	0,491*** (0,0980)	0,370*** (0,115)
Логарифм реального среднедушевого дохода	−0,00672 (0,0394)	−0,0381 (0,0460)	0,000324 (0,0394)	−0,0359 (0,0460)
	22 119	13 519	22 119	13 519
Количество групп (индивидуов)	2 584	1 699	2 584	1 699
Логарифм правдоподобия	−7489,9	−4907,5	−7487,9	−4905,7
Вероятность (p-value)	0,000	1,65e-104	0,000	2,92e-105

Примечание. Стандартная ошибка в скобках, * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Таблица 2. **Оценки коэффициентов в логит-модели с фиксированными эффектами со всеми категориями стресса, где базовая категория — отсутствие стресса (3)**

Бывший курильщик	Мужчины	Женщины
Номер модели	(3.1)	(3.2)
Низкий уровень стресса	−0,0759 (0,0560)	0,00773 (0,0654)
Умеренный уровень стресса	0,123** (0,0561)	0,191*** (0,0675)
Высокий уровень стресса	0,449* (0,264)	0,117 (0,460)
Возраст	−0,0478** (0,0202)	−0,175*** (0,0256)
Квадрат возраста	0,00271*** (0,000244)	0,00355*** (0,000331)
Состоят в зарегистрированном браке или проживают вместе	0,235*** (0,0907)	0,582*** (0,0763)
Есть ребенок/дети	0,180* (0,0990)	0,245** (0,122)
Законченное высшее образование и выше	−0,127 (0,117)	0,437*** (0,128)
Плохая самооценка здоровья	0,492*** (0,0981)	0,370*** (0,115)

Бывший курильщик	Мужчины	Женщины
Логарифм реального среднедушевого дохода	–0,00605	–0,0387
	(0,0395)	(0,0460)
Количество наблюдений	22119	13519
Количество групп (индивидуов)	2584	1699
Логарифм правдоподобия	–7483,9	–4904,7
Вероятность (p-value)	0,000	6,55e-104

Примечание. Стандартная ошибка в скобках, * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Полученные оценки коэффициентов разных факторов устойчивы по своим знакам и значимости во всех построенных моделях, что говорит в пользу робастности выбранных спецификаций.

Из всех рассмотренных моделей выберем (3) и количественно оценим вклад разных факторов.

Ввиду того, что нахождение средних предельных эффектов в случае логит-модели с фиксированными эффектами неинформативно, посчитаем две разных величины: отношения шансов и среднюю (полу)эластичность (см. табл. 3).

Таблица 3. Отношения шансов и средняя (полу)эластичность для отказа от курения для модели (3)

Выборка	Мужчины (3.1)		Женщины (3.2)	
	ОШ	СЭ	ОШ	СЭ
Переменная				
Низкий уровень стресса	0,926	–0,048	1,007	0,004
Умеренный уровень стресса	1,131**	0,079**	1,211***	0,107***
Высокий уровень стресса	1,566*	0,286*	1,124	0,065
Возраст	0,953**	–0,031**	0,839***	–0,097***
Квадрат возраста	1,002***	0,002***	1,004***	0,002***
Состоят в зарегистрированном браке или проживают вместе	1,265***	0,150***	1,789***	0,325***
Есть ребенок/дети	1,197*	0,115*	1,277**	0,137**
Законченное высшее образование и выше	0,881	–0,081	1,547***	0,244***
Плохая самооценка здоровья	0,611***	0,314***	0,691***	0,206***
Логарифм реального среднедушевого дохода	0,994	–0,004	0,962	–0,022

Примечание. Базовая категория — отсутствие стресса. * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Как видно из таблицы 4, при прочих равных условиях вероятность отказа от курения при наличии умеренного уровня стресса по сравнению с его отсутствием выше на 13,1% — для мужчин и на 21,1% — для женщин. Высокий уровень стресса увеличивает вероятность бросить курить на 56,6% для мужчин.

Кроме того, умеренный уровень стресса на 7,9% для мужчин и на 10,7% для женщин увеличивает вероятность того, что они бросят курить. Вместе с тем высокий уровень стресса увеличит эту вероятность на 28,6%, если рассматривать только выборку мужчин.

Как видим, с добавлением фиктивных переменных на кризисы оценки коэффициентов для уровней стресса остались робастны и по значимости, и по своим знакам (см. табл. 4). Примечательно, что кризисы 2008 и 2020 гг. не оказали значимого влияния на женщин, однако женщины все же ощутили отложенный эффект потрясений в 2021 г. и 2022—2023 гг. Согласно результатам, кризисы 2008, 2020 и 2022 гг. схожим образом повлияли на поведение индивидов, снижая вероятность того, что они откажутся от вредной привычки. Напротив, кризис 2014—2015 гг. увеличивал вероятность отказа от курения. Такой результат может объясняться характеристикой самого кризиса 2014 г.: он был не таким глубоким в сравнении с 2008 или 2020, 2022 гг., а также проходил на фоне относительно высоких доходов. Вероятно, респонденты не так остро ощущали на себе последствия этого кризиса, а значит, им было легче отказаться от курения. Кроме того, как раз в этот период были введены ограничения на курение в общественных местах, что также могло стимулировать отказ от курения.

Таблица 4. **Оценки коэффициентов в логит-модели с фиксированными эффектами с фиктивными переменными на кризисы (4)**

Бывший курильщик	Мужчины (4.1)	Женщины (4.2)
Низкий уровень стресса	−0,0823	0,00301
	(0,0565)	(0,0657)
Умеренный уровень стресса	0,109*	0,182***
	(0,0564)	(0,0677)
Высокий уровень стресса	0,466*	0,0823
	(0,266)	(0,468)
Возраст	−0,0275	−0,173***
	(0,0206)	(0,0260)
Квадрат возраста	0,00281***	0,00374***
	(0,000247)	(0,000337)
Состоят в зарегистрированном браке или проживают вместе	0,206**	0,580***
	(0,0913)	(0,0765)
Есть ребенок/дети	0,157	0,237*
	(0,0994)	(0,122)
Законченное высшее образование и выше	−0,165	0,408***
	(0,118)	(0,129)
Плохая самооценка здоровья	0,485***	0,362***
	(0,0988)	(0,115)
Логарифм реального среднедушевого дохода	−0,0302	−0,0506
	(0,0400)	(0,0465)
2008 г.	−0,229**	−0,115
	(0,0930)	(0,109)
2009 г.	−0,0987	−0,0616
	(0,0897)	(0,107)
2014 г.	0,147**	0,200**
	(0,0716)	(0,0915)

Бывший курильщик	Мужчины (4.1)	Женщины (4.2)
2015 г.	0,148** (0,0728)	0,230** (0,0920)
	-0,277*** (0,0844)	-0,138 (0,107)
2021 г.	-0,512*** (0,0887)	-0,313*** (0,110)
	-0,465*** (0,0917)	-0,335*** (0,113)
2023 г.	-0,667*** (0,0987)	-0,371*** (0,123)
Количество наблюдений	22 119	13 519
Количество групп (индивидуов)	2 584	1 699
Логарифм правдоподобия	-7 438,1	-4 888,2
Вероятность (p-value)	0,000	1,99e-104

Примечание: Базовая категория — отсутствие стресса. * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Обсуждение

По результатам проделанной работы подтверждены все выдвинутые гипотезы. Во-первых, гипотеза 1 о том, что финансовый стресс может оказывать эффект на аддиктивное поведение курильщиков в России. Во-вторых, в рамках подтверждения 2 и 3 гипотез было показано, что финансовый стресс по-разному отражается на поведении мужчин и женщин. Так, если только умеренный стресс побуждает женщин задуматься о своем здоровье и бросить курить, то мужчины могут побороть вредную привычку в условиях умеренного, и высокого стресса. По мнению некоторых исследователей, гендерные стереотипы, культивируемые в обществе, могут быть причиной того, что мужчины реже обращаются к врачам и меньше жалуются на проблемы со здоровьем [McLeod et al., 2016]. Исходя из этих стереотипов также традиционно подразумевается, что мужчины не должны проявлять эмоциональную слабость или демонстрировать горечь, из чего следует, что они склонны недооценивать имеющийся уровень стресса и сообщать о нем только тогда, когда он достиг уже достаточно высокого уровня.

Гипотеза 4 также была подтверждена: кризисные периоды оказались связаны с решением об отказе от курения, однако их влияние на поведение курильщиков, по-видимому, определяется характером кризиса и природой экономических изменений. Во время кризиса 2008 г. (финансовый кризис), а также в период пандемийного (2020 г.) и санкционного (2022 г.) кризисов респонденты могли реже бросать курить, тогда как период 2014—2015 гг. (валютный кризис) способствовал отказу от курения. Можно предположить, что кризисы 2008, 2020 и 2022 гг. сильнее сказывались на эмоциональном и материальном состоянии респондентов и курящие на тот момент люди не могли справиться с растущей тревогой, поэтому начинали потреблять больше сигарет вместо того, чтобы бросить курение. То есть в случае этих трех кризисов эффект стресса оказался выше эффекта снижения дохода. Вместе с тем мужчины более восприимчивы к кризисам в сравне-

нии с женщинами. Возможно, это объясняется тем, что в российском обществе чаще именно мужчины считаются основными «добытчиками» в семье, из-за чего они более уязвимы к разного рода финансовым потрясениям. Исследователи из Новой Зеландии показали, что мужчины чаще сообщали о финансовых и рабочих проблемах, в то время как женщины в большей степени испытывали переживания из-за проблем со здоровьем и смерти близких [McLeod et al., 2016].

Полученные результаты не вполне совпадают с выводами исследователей из других стран [Siahpush, Carlin, 2006; Siahpush et al., 2009], что объясняется несколькими причинами. Во-первых, вопросы для измерения индивидуального уровня финансового стресса не были идентичными. Во-вторых, в вышеупомянутых работах авторы делают выводы на основе данных стран с высоким уровнем дохода и развитой системой социальной поддержки малообеспеченных семей. В-третьих, эти работы основываются на данных только двух и четырех волн обследования, тогда как отказ от курения или рецидивы могут происходить и спустя более длительное время. Таким образом, преимущество нашей работы заключается в проведении анализа на длительном периоде, что позволяет учесть отказ от курения даже с учетом большого стажа курения.

Главные ограничения исследования касаются особенностей используемых для анализа данных. Во-первых, в выборке РМЭЗ слабо представлены люди с очень высокими доходами, что стоит учитывать при интерпретации полученных результатов. Несмотря на то, что уровень дохода учтен в моделях, ввиду такого смещения выборки мы не видим эффект, оказываемый финансовым стрессом в высокодоходных группах, а значит, возможно преобладание эффекта дохода над эффектом кризиса. Во-вторых, вопросы, использованные для формирования финансовой шкалы стресса, напрямую затрагивают рабочую деятельность индивида, что накладывает ограничения на выборку респондентов. Так как выбраны ответы только работающих респондентов, игнорируется эффект стресса, который воздействует и на тех, у кого нет работы (например, пенсионеров или студентов). В-третьих, из-за отсутствия данных невозможно включить в анализ напрямую такие важные факторы, как меры антитабачной государственной политики и их восприятие респондентами.

Заключение

Воздействие финансового стресса на поведение курильщиков носит неоднозначный характер. С одной стороны, он может стать триггером отказа от вредной привычки. С другой стороны, если стресс характеризуется высокой интенсивностью, у женщин может снижаться вероятность отказа от курения. Это означает, что при разработке мер поддержки, направленных на удержание бывших курильщиков от рецидивов, важно учитывать индивидуальный уровень стресса.

Также следует иметь в виду, что различные события и факторы по-своему отражаются на разных типах курильщиков в зависимости от их социально-демографических (пол, возраст, семейное положение, образование и наличие детей) и личных (сила привычки, стаж курения) характеристик. Особое внимание стоит уделить гендерным различиям. Согласно полученным результатам, мужчины более чувствительны именно к высокому уровню стресса, в то время как жен-

щинам достаточно среднего уровня для отказа от курения. Такой результат может объясняться тем, что в целом мужчины курят больше, чем женщины, а значит, и их привычки сильнее, поэтому им нужны веские основания и причины (в данном случае более высокий уровень стресса), чтобы побороть вредную привычку. На примере российских данных было показано, что чем выше стаж курения, тем меньше вероятность бросить курить [Арженовский, 2008]. Поэтому нельзя игнорировать как интенсивность, так и стаж курения курильщиков как важные факторы при разработке антитабачных мер.

Вместе с тем кризисы также имели разное воздействие на поведение курильщиков ввиду разной природы их происхождения. Сильные кризисы (например, кризисы 2008, 2020 или 2022 гг.) в целом скорее снижают вероятность отказа от курения, поскольку индивид не в силах справиться с эмоциональным состоянием и может воспринимать сигареты как временное средство для снятия тревожности. В итоге это только усугубляет имеющуюся зависимость, не позволяя человеку бросить курить. Таким образом, меры государства, направленные на снижение распространенности курения и повышение мотивации по отказу от курения, должны в том числе учитывать возможный негативный эффект периодов экономической нестабильности.

Список литературы (References)

1. Арженовский С. В. Эконометрическое моделирование социально-экономических детерминант курения // Учет и статистика. 2008. № 9. С. 228—235.
Arzhenovsky S.V. (2008) Econometric Modeling of Socioeconomic Determinants of Smoking. *Accounting and Statistics*. No. 9. P. 228—235. (In Russ.)
2. Бессонова Е. А., Свеженцева К. И. Экономические кризисы XXI века: специфика, тенденции, последствия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 10—21.
Bessonova E.A., Svezhentseva K.I. (2021) Economic Crises of the 21 Century: Specifics, Trends, Consequences. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*. Vol. 11. No. 3. P. 10—21. (In Russ.)
3. Бирюкова А. И. Статистический анализ изменений в потреблении табачной продукции в условиях пандемии COVID-19 // Вопросы статистики. 2022. Т. 29. № 5. С. 110—118. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-5-110-118>.
Biryukova A.I. (2022) Statistical Analysis of Changes in Tobacco Consumption amid the COVID-19 Pandemic. *Voprosy Statistiki*. Vol. 29. No. 5. P. 110—118. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-5-110-118>. (In Russ.)
4. Богданов М. Б., Лебедев Д. В. Структура и динамика курения в России в 1994—2016 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS — HSE). Вып. 8: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 149—171. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1825-0_149-171.

- Bogdanov M. B., Lebedev D. V. (2018) Structure and Dynamic of Tobacco Consumption in Russia, 1994—2016. In: Kozyreva P. M. (ed.) *Vestnik of The Russia Longitudinal Monitoring Survey—HSE (RLMS-HSE)*. Vol. 8. Moscow: HSE University. P. 149—171. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1825-0_149-171. (In Russ.)
5. Ермаков С. А. Влияние интенсивности потребления табака на заработные платы в России // Прикладная эконометрика. 2012. Т. 1. № 25. С. 70—94.
Ermakov S. A. (2012) The Impact of Smoking Intensity on Wages in Russia. *Applied Econometrics*. Vol. 25. No. 1. P. 70—94. (In Russ.)
6. Засимова Л. С., Колосница М. Г., Коссова Т. В., Шелунцова М. А., Бирюкова А. И., Макшанчиков К. Н., Золотарева А. А. Изменения в здоровом образе жизни в период пандемии COVID-19 и государственная политика: систематический обзор исследований // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. Т. 70. № 2. Ст. 12. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2024-70-2-12>.
Zasimova L. S., Kolosnitsyna M. G., Kossova T. V., Sheluntcova M. A., Biryukova A. I., Makshanchikov K. N., Zolotareva A. A. (2024) Changes in Healthy Lifestyle during COVID-19 Pandemic and State Policy: A Systematic Review of Studies. *Social Aspects of Population Health*. Vol. 70. No. 2. Art. 12. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2024-70-2-12>. (In Russ.)
7. Засимова Л. С., Лукиных О. А. Оценка индивидуального спроса на табачную продукцию в России // Экономический журнал ВШЭ. 2009. Т. 13. № 4. С. 549—574.
Zasimova L. S., Lukinykh O. A. (2009) Assessment of Individual Demand for Tobacco Products in Russia. *HSE Economic Journal*. Vol. 13. No. 4. P. 549—574. (In Russ.)
8. Ким М. Д. Анализ издержек, связанных с табакокурением в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 206. № 4. С. 182—199.
Kim M. D. (2017) Analysis of Costs of the Smoking in Russia. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. Vol. 206. No. 4. P. 182—199. (In Russ.)
9. Локшин М., Саджая З. Экономические издержки курения: разница в зарплатах курящих и некурящих в России // Прикладная эконометрика. 2007. Т. 6. № 2. С. 60—80.
Lokshin M., Sajaia Z. (2007) The Economic Cost of Smoking: Differences in Wages between Smokers and Non-smokers in Russia. *Applied Econometrics*. Vol. 6. No. 2. P. 60—80. (In Russ.)
10. Рошина Я. М. Микроэкономический анализ отдачи от инвестиций в здоровье в современной России // Экономический журнал ВШЭ. 2009. Т. 13. № 3. С. 428—451.
Roshchina Ya. M. (2009) The Return on Investments into Health in Modern Russia: Microeconomic Analysis. *HSE Economic Journal*. Vol. 13. No. 3. P. 428—451. (In Russ.)
11. Шульга Е. А. Потребление табачных изделий как фактор снижения производительности труда: экономический анализ потерь // Прогрессивная экономика. 2024. № 5. С. 7—16. https://doi.org/10.54861/27131211_2024_5_7.

- Shulga E. A. (2024) Consumption of Tobacco Products as a Factor of Labor Productivity Reduction: Economic Analysis of Losses. *Progressive Economics*. Vol. 5. P. 7—16. https://doi.org/10.54861/27131211_2024_5_7. (In Russ.)
12. Archuleta K., Britt S., Tonn T., Grable. J. (2011) Financial Satisfaction and Financial Stressors in Marital Satisfaction. *Psychological Reports*. Vol. 108. No. 2. P. 563—576. <https://doi.org/10.2466/07.21.PR0.108.2.563-576>.
13. Archuleta K., Dale A., Spann S. (2013) College Students and Financial Distress: Exploring Debt, Financial Satisfaction, and Financial Anxiety. *Journal of Financial Counseling and Planning*. Vol. 24. No. 2. P. 50—62.
14. Filippidis F. T., Schoretsaniti S., Dimitrakaki C., Vardavas C. I., Behrakis P., Connolly G. N., Tountas Y. (2014) Trends in Cardiovascular Risk Factors in Greece before and during the Financial Crisis: The Impact of Social Disparities. *European Journal of Public Health*. Vol. 24. No. 6. P. 974—979. <https://doi.org/10.1093/eurpub/cku028>.
15. Gallus S., Ghislandi S., Muttarak R. (2015) Effects of the Economic Crisis on Smoking Prevalence and Number of Smokers in the USA. *Tobacco Control*. Vol. 24. P. 82—88.
16. Gallus S., Tramacere I., Pacifici R., Zuccaro P., Colombo P., Ghislandi S., La Vecchia C. (2011) Smoking in Italy 2008—2009: A Rise in Prevalence Related to the Economic Crisis? *Preventive Medicine*. Vol. 52. No. 2. P. 182—183. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2010.11.016>.
17. Garman E., Kim J., Kratzer C., Brunson B., Joo S. (1999) Workplace Financial Education Improves Personal Financial Wellness. *Journal of Financial Counseling and Planning*. Vol. 10. No. 1. Art. 81.
18. Jofre-Bonet M., Serra-Sastre V., Vandoros S. (2018) The Impact of the Great Recession on Health-Related Risk Factors, Behaviour and Outcomes in England. *Social Science & Medicine*. Vol. 197. P. 213—225. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.12.010>.
19. Kalkhoran S., Berkowitz S., Rigotti N., Baggett T. (2018) Financial Strain, Quit Attempts, and Smoking Abstinence among US Adult Smokers. *American Journal of Preventive Medicine*. Vol. 55. No. 1. P. 80—88.
20. Kim J., Garman E., Sorhaindo B. (2003) Relationships among Credit Counseling Clients' Financial Wellbeing, Financial Behaviors, Financial Stressor Events, and Health. *Journal of Financial Counseling and Planning*. Vol. 14. No. 2. P. 75—87.
21. Kim J., Tsoh J. (2016) Cigarette Smoking among Socioeconomically Disadvantaged Young Adults in Association with Food Insecurity and Other Factors. *Preventing Chronic Disease*. Vol. 13. Art. E08. <http://dx.doi.org/10.5888/pcd13.150458>.
22. Kossova T., Kossova E., Sheluntsova M. (2018) Anti-Smoking Policy in Russia: Relevant Factors and Program Planning. *Evaluation and Program Planning*. Vol. 69. P. 43—52. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2018.04.006>.

23. Lazarus R. S. (1966) Psychological Stress and the Coping Process. New York, NY: McGraw-Hill.
24. McKenna C., Law C., Pearce A. (2017) Financial Strain, Parental Smoking, and the Great Recession: An Analysis of the UK Millennium Cohort Study. *Nicotine & Tobacco Research*. Vol. 19. No. 12. P. 1521—1525. <https://doi.org/10.1093/ntr/ntw269>.
25. McLeod G. F., Horwood L. J., Fergusson D. M., Boden J. M. (2016) Life-Stress and Reactivity by Gender in a Longitudinal Birth Cohort at 30 and 35 Years. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. Vol. 51. No. 10. P. 1385—1394. <https://doi.org/10.1007/s00127-016-1254-z>.
26. Northern J., O'Brien W., Goetz P. (2010) The Development, Evaluation, and Validation of a Financial Stress Scale for Undergraduate Students. *Journal of College Student Development*. Vol. 51. No. 1. P. 79—92. <https://doi.org/10.1353/csd.0.0108>.
27. Prawitz A., Garman E., Sorhaindo B., O'Neill B., Kim J., Drentea P. (2006) Incharge Financial Distress/Financial Well-Being Scale: Development, Administration, and Score Interpretation. *Journal of Financial Counseling and Planning*. Vol. 17. No. 1. P. 34—50.
28. Ruhm C. J. (2005) Healthy Living in Hard Times. *Journal of Health Economics*. Vol. 24. No. 2. P. 341—363. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2004.09.007>.
29. Shapiro G., Burchell B. (2012) Measuring Financial Anxiety. *Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics*. Vol. 5. No. 2. P. 92—103. <https://doi.org/10.1037/a0027647>.
30. Shaw B., Agahi N., Krause N. (2011) Are Changes in Financial Strain Associated with Changes in Alcohol Use and Smoking among Older Adults? *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. Vol. 72. No. 6. P. 917—925. <https://doi.org/10.15288/jsad.2011.72.917>.
31. Siahpush M., Carlin J. (2006) Financial Stress, Smoking Cessation and Relapse: Results from a Prospective Study of an Australian National Sample. *Addiction*. Vol. 101. No. 1. P. 121—127. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2005.01292.x>.
32. Siahpush M., Spittal M., Singh G. (2007a) Association of Smoking Cessation with Financial Stress and Material Well-Being: Results from a Prospective Study of a Population-Based National Survey. *American Journal of Public Health*. Vol. 97. No. 12. P. 2281—2287.
33. Siahpush M., Spittal M., Singh G. (2007b) Smoking Cessation and Financial Stress. *Journal of Public Health*. Vol. 29. No. 4. P. 338—342. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdm070>.
34. Siahpush M., Yong H., Borland R., Reid J., Hammond D. (2009) Smokers with Financial Stress Are More Likely to Want to Quit but Less Likely to Try or Succeed: Findings from the International Tobacco Control (ITC) Four Country Survey.

Addiction. Vol. 104. No. 8. P. 1382—1390. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02599.x>.

35. Simonse O., Van Dijk W. W., Van Dillen L. F., Van Dijk E. (2024) Economic Predictors of the Subjective Experience of Financial Stress. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. Vol. 42. Art. 100933. <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2024.100933>.
36. Starrin B., Åslund C., Nilsson K. (2009) Financial Stress, Shaming Experiences and Psychosocial Ill-Health: Studies into the Finances-Shame Model. *Social Indicators Research*. Vol. 90. No. 2. P. 283—302. <https://doi.org/10.1007/s11205-008-9286-8>.
37. Widome R., Joseph A., Hammett P., Van Ryn M., Nelson D. et al. (2015) Associations between Smoking Behaviors and Financial Stress among Low-Income Smokers. *Preventive Medicine Reports*. Vol. 2. P. 911—915. <https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2015.10.011>.
38. Van Dijk W. W., Van der Werf M. M. B., Van Dillen L. F. (2022) The Psychological Inventory of Financial Scarcity (PIFS): A Psychometric Evaluation. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. Vol. 101. Art. 101939. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2022.101939>.